

Раздел VI озаглавлен «Обзор развития славянской морфологии» (стр. 154—216). Стремление объяснять все факты и категории языка как взаимодействующую систему проявляется в наблюдении автором своеобразных компенсирующих отношений в развитии славянского склонения и спряжения на почве отдельных славянских языков. Так, консервативность именной падежной флексии русского сочетается с упрощением форм спряжения; упрощенное аналитическое склонение болгарского, напротив, сосуществует с сильным развитием глагольных категорий (стр. 155). Довольно кратко говорится об истории славянских предлогов (стр. 189), причем не разграничиваются новые и архаические образования в этой области. Следовало специально обратить внимание на материал южнославянских языков, так как именно южнославянские языки представляют немало поучительного по истории славянских предлогов. Здесь имеется ряд архаических форм; ср. серб. диал. *мед* «между» при общеславянском распространении расширенной формы *medju*; болг. *към* «к», сохраняющее конечный согласный. Интересна форма серб. *код* «у, при, близ, возле, к», не известная другим славянским языкам, но тоже, по-видимому, являющаяся значительным архаизмом. Вероятно, близкие формы можно указать за пределами славянских языков: греч. *κατά* «сверху вниз, под, в, по», хетт. *katta* «вниз»¹. Различие значений этих предлогов не носит принципиального характера, тем более что фиксация окончательных предложных значений происходила поздно.

Раздел VII «Избранные главы из сравнительного синтаксиса» (стр. 217—255) характеризует типы славянского предложения, средства построения фразы: 1) звуковые (здесь же дана фразовая интонация), 2) порядок слов, 3) морфологические средства. Все эти средства образуют взаимодействующую систему. Раздел VIII (стр. 256—283) посвящается сравнительной лексикологии. Здесь рассматривается структура словарного состава, его изменения, определяются принципы этимологии. Автор справедливо включает в понятие лексикологии также и семантику (стр. 256), так как последняя может быть понята и реализуется только на конкретном лексическом материале.

Включение раздела IX — «Краткий обзор истории славянских литературных языков» (стр. 284—339) — продиктовано важностью научного лингвистического исследования славянских культурных диалектов. Далее следуют три раздела: X «Славянская письменность» (стр. 340—355), XI «Характеристики отдельных славянских языков» (стр. 356—402) и XII «Краткий очерк истории сравнительного славянского языкознания» (стр. 403—424). В заключение приложены образцы параллельного текста на разных славянских языках и хорошая библиография, занимающая 45 страниц.

Из мелких неточностей отметим следующие: *vedetъ*, *vedetъ* названо 2-м лицом (стр. 122); на стр. 125 вместо литовск. *vãrnas* следует читать *vaãnas*; на стр. 197 вместо *siãdzia* должно быть *sedzia*; на стр. 205 перепутаны инициалы: вместо К. Л. Muske нужно К. Е. Muske; на стр. 281 русское слово *сюртук* причисляется к восточным заимствованиям, в то время как оно происходит из франц. *surtout*; на стр. 317 упоминается Евгений Карский, тогда как на самом деле он Ефимий. Наконец, сообщение о том, что в 1952 г. вышел II том «Сравнительной грамматики славянских языков» А. Вайана (стр. 420, сноска 37), насколько известно, не соответствует действительности.

Выше мы касались главным образом отдельных спорных вопросов и деталей изложения. В целом же книга К. Горалка представляет собой весьма полезное и содержательное пособие по сравнительному изучению славянских языков.

О. Н. Трубачева

Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbanczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego.—[Warszawa], Państw. wyd-wo naukowe, 1955. 596 стр.

«Историческая грамматика польского языка» представляет собой учебный курс по истории польского языка, предназначенный для студентов-полонистов. Отсутствие подобного пособия вызвало справедливые нарекания ученых и учащейся молодежи. Поэтому появление коллективного труда виднейших польских лингвистов, профессоров З. Клеменевича, Т. Лер-Сплавинского и С. Урбанчика, дающего систематическое

¹ Предположение о слогаобразующем сонанте в хеттском и греческом словах (см. О. S z e m e r e n y i, Hittite pronominal inflection and the development of syllabic liquids and nasals, «Kuhn's Zeitschrift», Bd. 73, 1955, стр. 65 и 76) менее вероятно (ср. J. K u r y ł o w i c z, указ. соч., стр. 226).

изложение сложного и исключительно важного в системе филологического образования материала, следует расценивать как значительное событие¹.

Перед нами обширный труд, дающий на огромном фактическом материале всестороннее и очень тщательное описание исторических изменений, пережитых польским литературным языком за весь период его письменной истории. Авторы широко использовали основные памятники древнепольской письменности, работы польских грамматиков, произведения писателей и поэтов, привлекли данные диалектов.

«Историческая грамматика польского языка» состоит из введения и четырех основных разделов, соответствующих обычному делению курса: 1) фонетика, 2) словообразование, 3) морфология и 4) синтаксис.

Краткое введение рассматривает вопросы древнейших связей польского языка с другими славянскими языками, указывает их особенности и дает характеристику акцентологических отношений древнепольского языка. В нем ярко выражено стремление связать отдельные языковые факты (в частности, те или иные особенности языковых групп) с историческими судьбами древнейших славянских племен.

К сожалению, в разделе, посвященном характеристике акцентных и количественных отношений (§§ 8—18), Т. Лер-Сплавинский ограничился изложением лишь традиционной точки зрения и не привел выдвинутых в последнее время новых положений. Впрочем, для общего курса, в котором этот раздел занимает, естественно, лишь небольшое, подчиненное место, он дан достаточно подробно, изложен очень ясно и доступно.

В главу о фонетике входят три раздела: 1) славянские языки и место среди них польского языка (этот раздел правильнее бы было отнести во введение); 2) общая характеристика развития польской системы гласных и согласных и 3) детальное описание развития польской фонетической системы. Но собственно фонетическая характеристика польских звуков и звуко сочетаний, развившихся на основе праславянской языковой системы, дана только в третьем разделе. Эта часть представляет собой интересное, подробное изложение дальнейшей эволюции общеславянских звуков и звуко сочетаний в польском языке.

Говоря о фонетических изменениях, имевших место на польской почве, З. Клеменевич не ограничивается их описанием. Он стремится, где это возможно на основе достоверных научных данных, также объяснить результаты, представленные в современном польском языке. При этом обычно приводится несколько теорий, рассматривающих указанные явления, отмечаются их сильные и слабые стороны, каждая из них оценивается с современных научных позиций. Так, например, очень подробно рассмотрен вопрос о развитии долготы гласного в закрытом слоге только в положении перед звонким согласным (случай типа *wóz, bób* при *nos, chór* и т. п. в современном языке). Очень интересно, с учетом различных взглядов на описываемые факты, освещена сложнейшая проблема мазурения. Сказанное относится и к изложению более мелких фактов (например, причины перехода в малопольском диалекте конечного *ś* в *k*; случая прогрессивной ассимиляции в сочетаниях глухих согласных с *rz*; изменения некоторых праславянских групп согласных и др.).

Описание ведется таким образом, что ощущается непрерывность и постепенность изменений. Очень интересна в указанном плане, например, характеристика все прогрессирующего нарастания качественных изменений в произношении кратких и долгих гласных и постепенной утраты в связи с этим количественных различий между гласными. При этом отмечается и направление подобных процессов, характеризующихся тем, что продолжительное время еще действовало ощущение фонологической и фонетической разницы между соответствующими звуками при одновременном ослаблении в сознании говорящих и пишущих оснований для такого различения (см., например, стр. 91—95, § 27 — о развитии старопольских *ǫ, ą*).

Однако, кроме описания отдельных звуков, кроме освещения путей их развития и изменений, в курсе, дающем подробный и глубокий анализ многих фактов, следовало бы больше внимания уделить выведению некоторых общих закономерностей, действовавших в определенные исторические периоды развития польского языка. Хотелось бы, чтобы более широко и последовательно были освещены исторические связи между отдельными фонетическими явлениями, а также больше внимания было уделено фонологическим моментам, что в ряде случаев дало бы возможность свести к общим процессам факты, на первый взгляд развивавшиеся изолированно.

Так, например, совершенно несомненно, что для истории польской фонетики была закономерной веларизация гласных в положении перед твердыми переднеязычными согласными. Поэтому, говоря об изменениях на польской почве передних гласных, *e, ě*, сочетаний *ь* с шлавными (**ьrt, *ьtl...*), следовало бы дать обобщающий вывод

¹ Авторский коллектив следующим образом разделил работу: вводная часть (включенная в главу о фонетике) написана Т. Лер-Сплавинским; автором основной части — глав по исторической фонетике, грамматике и словообразованию — является З. Клеменевич; замечания, отражающие особенности польских диалектов, принадлежат С. Урбанчику.

о том, что во всех этих случаях судьба передних гласных определялась качеством соседнего согласного, величайшее воздействие которого было очень значительно: если этим согласным оказывался твердый переднеязычный, то предшествующий ему гласный изменялся в гласный заднего или среднего ряда ($e > o$, $\check{e} > a$, **tort* > *tart*...).

Следовало бы также сделать общий вывод о характерных для польской фонетики результатах смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Высокая степень палатализации польских согласных в указанном положении привела к так называемому асинхронному произношению мягких согласных, что реализовалось в развитии дополнительного фрикативного элемента. Последний постепенно усиливался при ослаблении, а иногда и полной утрате основной артикуляции. Таким образом, на месте палатализованного согласного развился фрикативный палатальный звук. Указанная особенность, чрезвычайно характерная для истории всех палатализованных согласных в польском языке, в книге отмечена лишь для особого произношения мягких губных в северо-польских говорах (см. стр. 130, 138). Не сделан общий вывод о том, что гласные переднего ряда оказывали палатализирующее воздействие не только на губные, но и на переднеязычные и на заднеязычные согласные (ср. результаты изменений мягких переднеязычных: $l' > \acute{c}$, $d' > \acute{g}$, $s' > \acute{s}$, $z' > \acute{z}$ и т. д., а также изменение в северо-западных диалектах групп *ky, gy, ke, ge* в *ci, gi, ce, ge*). Это указывает на характерную для польского языка закономерность: выделение дополнительного спиранта при произношении палатализованных согласных, а затем его постепенное усиление всегда шло при параллельном ослаблении основной артикуляции (что иногда приводило даже к полной утрате последней). Такой результат представлен во всех односторонних случаях.

Раздел, посвященный словообразованию, состоит из двух частей: общей и специальной. В общей части (§§ 2—15) говорится о методах словообразовательного анализа, о принципиальных отличиях его от членения слов на морфемы, об отношении производной и производящей основ. В ней дается также краткий обзор исторических процессов становления, изменения и продуктивности формантов, использованных заимствованных аффиксов и т. п. В специальной части (§§ 16—60) описаны суффиксы и префиксы, употреблявшиеся в старопольском языке, с указанием на их наличие в современном языке. При этом классификация дается по семантическому признаку, в связи с чем одни и те же аффиксы оказываются включенными в разные группы (например, суффиксы действующего лица — отглагольные, именные — разделены на несколько групп в зависимости от более узкого значения, эмоциональной окраски и т. п.).

Описание словообразующих формантов с учетом их употребительности и продуктивности в различные исторические периоды ограничивается материалом существительных, прилагательных и глагола, причем характеризуются в основном данные литературного языка. Диалектным особенностям словообразования уделено относительно мало места. Это находит свое объяснение, с одной стороны, в недостаточной изученности соответствующего материала, а с другой — в том, что говоры в общем не дают принципиально иной картины по сравнению с нормами литературного языка.

При делении слов на производящую и производную основы всегда учитываются современные лексические отношения. Автор четко отличает подобный метод словообразовательного анализа от выделения в слове отдельных, входящих в его состав морфем. Здесь также можно было бы сделать обобщения относительно уменьшения или расширения продуктивности некоторых суффиксов и случаев изменения значения слов с соответствующими суффиксами.

Раздел морфологии ограничен характеристикой форм изменяемых частей речи. В нем дано достаточно полное описание истории флексий существительных, прилагательных, числительных и глагола. При этом в соответствии с принятой в книге системой изложения большое внимание уделено самому процессу формирования падежных и именных образований, динамичности этих процессов. Приводится много примеров из древних письменных памятников, даются интересные объяснения широко представленных в разные эпохи истории языка параллельным формам, факультативному употреблению тех или иных окончаний. Особое внимание, естественно, уделено описанию постепенных изменений старых грамматических отношений и развитию современной системы склонения и спряжения.

Не ускользнули от внимания автора и отдельные слова, возникшие из синтаксических сочетаний, как *potudnie, północ* и более позднее *północ* (стр. 357), некоторые союзные слова (*potki, półki, — poty, półty* — стр. 472—473) и многое другое.

Интересна в методическом отношении подача материала по историческому изучению падежных форм имен существительных: параллельно рассматриваются формы одних и тех же падежей разных типов старого склонения. Такой метод сравнительного изучения падежных флексий в значительной степени облегчает их усвоение, так как дает наглядную характеристику флексий и различий между ними. Тем не менее следовало бы, кроме этого, дать и общие парадигмы каждого типа склонения, которые почему-то приведены для всех частей речи, кроме имени существительного.

Приходится пожалеть также о том, что и в главе о морфологии часто нет обобщающих замечаний по отдельным центральным проблемам польского словоизменения

Правда, о лично-мужской форме довольно подробно говорится в параграфах, посвященных именительному и винительному падежам множественного числа существительных мужского рода, но следовало бы, хотя бы так, как это сделано в заключении раздела о количественных числительных (см. § 83), отметить пути становления категории, ее последовательное проявление во всех именах, указав, в частности, на то, что в первую очередь она начала проявляться в именах числительных.

Серьезным достоинством книги является изложение в ней материала по синтаксису. Как известно, эта область, пожалуй, наименее разработана не только в польском, но вообще в славянском языкознании. После работ Я. Лося, во многом уже устаревших, это первая попытка дать сводный курс исторического синтаксиса.

В книге дано описание типичных синтаксических конструкций в древнепольском и современном языке. При этом автор ставит перед собой двойную задачу: с одной стороны, показать устойчивость синтаксической системы польского языка, с другой же, особое внимание уделить тем явлениям, которые привели к отклонению современной структуры от древнепольской.

Построение и изложение этой части книги вполне отвечает отмеченным задачам: в нее включены разделы, посвященные способам выражения членов предложения (на материале простого предложения), управлению, способам сочетания предложений, входящих в состав сложного предложения, а также значениям, выраженным придаточными предложениями с различными союзами и союзными словами.

Естественно, что нельзя было охватить все проблемы, связанные с анализом предложения. Так, не уделено специально внимание особенностям прямой речи, вводным словам и предложениям, порядку слов и многому другому.

Весь раздел синтаксиса значителен не только по своему объему, но и по строгой систематизации фактов, хорошо подобранных и в ряде случаев введенных в научный оборот впервые. Некоторые наблюдения и обобщения З. Клеменевича уточняют ряд сложных вопросов славянского исторического синтаксиса. Однако неразработанность отдельных синтаксических проблем и спорность некоторых исходных положений отразились и в рецензируемой книге. Это относится прежде всего к примыкающему далеко не всеми синтаксистами принципу логической характеристики членов предложения. Так, например, исходя из этого принципа, воздерживаясь от достаточно строгого и четкого определения главных членов предложения, З. Клеменевич предлагает, с нашей точки зрения, очень спорную дифференциацию личных и безличных предложений, ошибочно включает в разряд подлежащих некоторые типы предложений без грамматического подлежащего.

Едва ли предложения с отрицательным словом или отрицательной конструкцией, обязательным элементом структуры которых является дополнение в форме родительного падежа, следует характеризовать как личные с подлежащим в родительном падеже. Например: *nie («nie ma»)w ichu cięch prau dy; niebojaźni bozej; nie zatowia w mięsie mojem* (XIV в.); *jako koń a muł, w nich rozum a nie; jemuż nie rovnego mistrza pogańskiego i krześcijańskiego...* (XV в.)¹. Точно так же трудно признать подлежащим существительное, выступающее при сказуемом со значением «доставать — не доставать, убывать, прибывать» и т. п., т. е. существительное, являющееся в действительности, по своей синтаксической функции (а не по логическому значению), дополнением, выраженным приглагольным родительным со значением части целого (примеры см. на стр. 396).

Все отмеченные случаи правильнее было бы трактовать как безличных в предложении, конструктивно характеризующихся обязательным наличием дополнения в родительном падеже. Это дополнение нельзя считать подлежащим хотя бы потому, что обязательным признаком последнего является грамматическая независимость его от других членов предложения, а это, в свою очередь, связано с формой именительного падежа (если только подлежащее не выражено целым сочетанием или инфинитивом).

Вряд ли правомерно рассмотрение конструкций типа *dwa bracieńca, trze bogowie* (XIV в.) *trze męźowie, czterze, synowie* (XV в.) и *byłoż jest dziewięć lat, ogarnęli mię psów wiele* (XIV в.), *piśało wiele filozofów* (XVI в.) как случаев, в которых подлежащими являются существительные, выступающие то в форме именительного (при числительных «два — четыре»), то родительного падежа (при числительных «пять» и более) (см. стр. 396). Правильнее было бы сказать, что в данных примерах мы имеем дело с определенной формой синтаксической связи существительного с числительным, образующей единое словосочетание, которое целиком выступает как подлежащее. Этого положения не может изменить и объяснение происхождения рассматриваемых конструкций, согласно которому «уже в древнейшую эпоху истории польского языка происходит передвижка синтаксической значимости с числительного на имя существительное; последнее получает в этой группе значение управляющего слова, и в связи

¹ Ср. данное в книге определение формы подлежащего: «Обычно подлежащее выступает в именительном падеже. Подлежащее в родительном падеже встречается при сказуемом, обозначающем отрицание наличия, существования» (стр. 395). Далее следуют приведенные выше примеры.

с этим оно выполняет функцию подлежащего, сохраняя, однако, традиционную форму косвенного, а именно, родительного падежа...» (стр. 397). Тем более, что далее говорится о подобных конструкциях «числительное + существительное» как о неделимом сочетании (стр. 400—401).

Вызывает также возражение и отнесение деепричастных оборотов к эквивалентам предложений. Тот факт, что деепричастные обороты выражают те же значения, что и придаточные предложения, которыми они могут быть заменены, не оправдывает их понимания как грамматических эквивалентов последних. При лингвистическом анализе нельзя не учитывать формальных способов выражения тех или иных значений, не следует при изучении грамматических отношений всецело опираться на рассмотренные логических и смысловых связей.

Заканчивая разбор «Исторической грамматики польского языка», считаем необходимым сделать несколько общих замечаний. Приводимые в каждом разделе факты диалектов, всегда очень интересные и точные, иногда органически мало связаны с изложением основного материала и воспринимаются как самостоятельные фрагменты. Следовало бы больше сопоставлять результаты наблюдений над материалами древнепольских памятников и других источников истории языка с данными говоров, поскольку последние часто представляют факты общепольского языка, нередко уже исчезнувшие в современном литературном языке, но наблюдаемые в древнейший и средневековый периоды его истории.

В книге в общем мало внимания уделяется сравнению излагаемых языковых фактов со сходными явлениями в других славянских языках (исключение представляет старославянский язык). Чтобы не увеличивать объема и так большой книги, можно было бы прибегать к сравнению с современными славянскими языками лишь в наиболее показательных случаях (как это, например, сделано в очерке о словообразовании — стр. 202, § 21, п. 11; стр. 203, § 23, п. п. 1, 2).

Все изложение ведется как описание отдельных исторических явлений, рассматриваемых в традиционном плане. Однако изучение исторического материала можно было бы вести, сопровождая его характеристикой отдельных, наиболее важных периодов истории польского языка, подводя определенные хронологические итоги каждого этапа, совмещая такого рода обобщения с характеристикой отдельных явлений. При таком методе изложения книга по истории языка стала бы, несомненно, более ценной. Нельзя не отнестись с похвалой к хорошо составленному и достаточно обширному (стр. 513—596) указателю к книге (составитель М. Карась).

В целом книга заслуживает большого внимания как весоменный вклад в изучение истории польского языка и как в общем успешное методическое решение проблемы создания специального университетского научного пособия. Она представляет глубокий интерес не только для полонистов, но и для значительно более широкого круга специалистов, занимающихся общими и частными вопросами истории славянских языков.

А. С. Посьянская

Pochodzenie polskiego języka literackiego. («Studia staropolskie». Pod red. K. Budzka. T. III). — Wrocław, Wyd-wo PAN, 1956. 472 стр. (Inst. badań literackich PAN).

Дискуссия о происхождении польского литературного языка, возникшая среди польских языковедов более сорока лет назад и разделившая их на два лагеря — сторонников великопольской и сторонников малопольской диалектной основы литературного языка¹, в послевоенные годы приобрела небывалую актуальность. Особое значение ей придает та большая работа по изучению истории польского языка и исследованию его диалектов, которая развернулась в Польше по окончании второй мировой войны. Вопрос о началах польского литературного языка, особенно важный для полонистов и славистов ввиду относительно слабой разработанности проблемы

¹ Начало дискуссии обычно связывают с работами К. Н и т ш а «Próba ugrupowania gwar polskiej» («Rozprawy Akad. um. [PAU]. Wydz. filologiczny», Ser. III, t. I, ogólnego zbioru t. XLVI, Krakowie, 1910) и «Pochodzenie polskiego języka literackiego» («Język polski», I, 1913), в которых нашла свое отражение концепция великопольского происхождения польского литературного языка, и А. Б р ю к н е р а «Przyczynki do dziejów języka polskiego», Ser. II («Rozprawy Akad. um. [PAU]. Wydz. filologiczny», Ser. III, t. IV, ogólnego zbioru t. XLIX, 1911), а также «Powstanie i rozwój języka literackiego» (в кн. «Język polski i jego historia [„Encyklopedia polska“, t. II, dz. III (cz. I)», Warszawa—Kraków, 1915), в которых изложена противоположная, малопольская концепция.